

ГРАНДМАСТЕР ОСТРОГО СЮЖЕТА

книги для искушенного читателя

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

**В ближайшее время вас ждут новинки
в других сериях издательства «ГрандМастер»**

Напряженное повествование о грязных голливудских тайнах от культового французского писателя Валентена Мюссо – «Женщина справа».

Один из лучших романов всемирно признанного автора детективов Питера Джеймса из его серии о Роу Грейсе – «Убийственно красиво».

ДЭВІД ШЕЙФЕР

ПОЖИРАТЕЛИ
ОБЛАКОВ

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
ШЗ6

David Shafer

WHISKEY TANGO FOXTROT

Copyright © 2014 by David Shafer

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на суперобложке *Вячеслава Коробейникова*

Шейфер, Дэвид.

ШЗ6 Пожиратели облаков / Дэвид Шейфер ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-091347-3

Лейла Меджнун, заграничный представитель общественной организации. Лео Крэйн, только что вышвырнутый с работы воспитатель-алкоголик. Марк Деверо, преуспевающий тренер по личностному совершенствованию. Три абсолютно разных характера, которые объединяет глубокое сомнение в том, что они живут правильной жизнью. И то, что в поисках себя они разными путями вышли на тайную организацию, чьи неслыханные цифровые технологии способны полностью разрушить существующий порядок вещей...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Э», 2018

ISBN 978-5-04-091347-3

Фине — без которой никак

Мандалай, Мьянма

В тесной комнате было так жарко, что Лейла старалась в своей одежде не шевелиться. Свой выбор она остановила на простой бежевой рубашке и брюках со строгим кантом (бюрократы вибрируют перед всем, что так или иначе ассоциируется у них с военизированными структурами). А вдобавок еще и черные туфли с гляncем. Однако дама, с пристрастием обшарившая взглядом Лейлу сверху донизу, не выразила своим видом ровно ничего, и ощущение было такое, будто стоишь в доспехах, но из бумажных пакетов. Чувствовалось, как по спине курсом на юг стекает струйка пота. Где-то в углу душного помещения страдальчески жужжал какой-то крупный жук (ушибся, что ли?).

Вот уже скоро два часа, как один из подчиненных полковника Зеи наказал Лейле: *«Ждать здесь, за вами кто-то придет! Пожалуйста, вы должны не выходить за этой комнаты!»*

Ладно, решила она поначалу. Лейла Меджнун¹ может и подождать, если на то пошло. Знаем мы эти уловки, типа *«пускай эта с Запада посидит-потерпит, пока сама от себя не спечётся»*.

Лейла вынула свой блокнот. Она благоволила к стенографии Грегга²: строчила проворно внаклонку слегка приплюснутой скорописью, разобрать которую, кроме самой Лейлы и ее старшей сестры Роксаны, вряд ли кто и мог. Писала в основном на английском, с легкими вкраплениями пушту, а некоторые из

¹ Имя и фамилия героини являются практически точным названием древней восточной поэмы «Лейли и Меджнун».

² Система скоростной текстовой записи устной речи, распространенная в США.

значков походя избрела сама. К луддитам¹ Лейла себя не причисляла, однако бумажным блокнотам доверяла больше, чем любой электронике. Их обычно оставляют при тебе даже тогда, когда забирают паспорт и планшет. Хотя однажды в охраняемой комнате аэропорта, напоминавшей допросную, у Лейлы из рук забрали и блокнот. Тот случай смотрелся особенно настораживающим. А вскоре после этого она занялась работой, в ходе которой судьба свела ее с солдатами в камуфляже, из которых один таскал при себе что-то вроде памятки-шпаргалки, прикрепленной на «липе» к внутренней стороне запястья. Такой же персональный органайзер Лейла завела и себе: очень удобно в пользовании. И тоже в стиле командос.

Мирясь со скукой и духотой, висящей в комнате текучим маревом, она все строчила свои пометки в расчете на то, что они помогут ей протянуть следующую неделю этих ее дел, не вызывающих ничего, кроме зеленеющей тоски. По должности Лейла значилась внешним директором по Мьянме/Бирме. А дома в Нью-Йорке значился еще один директор — *внутренний* — по той же Мьянме/Бирме. Уже по дебилизму этих должностей следовало догадаться, что «Рука помощи» была низкопробной контророй. Хотя, судя по всему, с объемистыми карманами — как-никак штаб-квартира занимает два этажа в небоскребе в центральном Манхэттене. Ей же, Лейле, поручалось (ни больше ни меньше) *поставить на ноги национальную программу (!)*. Во всяком случае, так ей внушали ее нью-йоркские боссы, наставляя как какого-нибудь полководца в ставке перед сражением. А на самом-то деле от нее потребовалось всего лишь арендовать помещение, обставиться офисной мебелью и присматривать за тем, кто как работает, и есть ли на местах недоделки.

Ну а помимо этого, двое (а может, и трое) нью-йоркских боссов Лейлы никак не могли согласовать между собой, в чем же все-таки суть миссии в Бирме (она же нынешняя Мьянма). Один считал, что задача «Руки помощи» — выявлять потен-

¹ Участники протестов начала XIX в. против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии; здесь под «луддитами» имеются в виду люди, с предубеждением относящиеся к сложным техническим устройствам.

циально крепких стипендиатов для школы медсестер при Бостонском колледже. Другой же полагал, что назначение организации — организовывать клиники первой помощи на селе. И занимались эти боссы в основном тем, что бомбили Лейлу взаимоисключающими имэйлами; иными словами, злым копанием друг под друга. Лейла же, в свою очередь, недооценила всю сложность осуществить что-либо в месте, подобном этой Мьянме (она же бывшая Бирма). Страна жила раздираемая войной, опустошенная распрями, и эта жизнь под нескончаемым деспотизмом становилась уже просто влом. Сами мьянманцы (или мьянмийцы? «*Мьянмсиане*» — мысленно определилась Лейла с выбором, и в стенограмме появилась «М» в яйцевидном шлемике с антеннками) всю свою энергию расходовали на отстаивание тех мелочей, что имели, и на увиливание от гонений; для надежд и перспектив места не оставалось. Внешнему же миру до них особо дела не было; никто даже толком не знал, как эту страну называть — Бирмой (веет чем-то оруэлловским¹), или Мьянмой (имя, которое своей стране присвоили бы, наверное, кошки). Остальной мир этого места попросту избегал, как избегают на улице убогую пьянь без штанов — за что хвататься-то и что вообще с этим делать?

Куда запропастился этот идиотский полковничиска? Запасы терпения у Лейлы истощались, в уме уже помаргивала красная лампочка. Комната была, пожалуй, специально сконструирована под нагнетание скуки и дискомфорта на сидящего внутри. Все равно что находиться под эдаким лучом, растягивающим время. На всем здесь был шероховатый налет пыли; из чтива — единственно табличка «Не курить»; в углу пластмассовый вентилятор, шнур которого словно пытались посечь тупым мачете. От деревянных скамеек и пластмассовых жалюзи сочились запахи: стоялого сигаретного дыма, жирной еды и людских испарений — тех, что исходят от тела, когда оно взмывает в чрезмерном волнении.

Сделав все разумно возможное по текущему графику, Лейла предалась мыслям о своей семье. С некоторых пор в уме насчет

¹ Намек на роман Дж. Оруэлла «Дни в Бирме» (1934).

этого стало назревать что-то похожее на тихое беспокойство. Роксана писала, что их младшенький братец Дилан — точнее, его новая подруга оказалась *«еще той гадюкой»*. Сам Дилан Лейле о наличии подруги почему-то не упоминал. Также, по сообщениям Роксаны, их мать за последние девять месяцев дважды подозрительно навернулась, на второй раз даже словав запястье. По имэйлу не удавалось толком спросить, что значит *«подозрительно»* — на нервной почве? по пьяной лавочке? Насчет самой Роксаны Лейлу никто подробным образом не информировал. Видимо, инстинкт матушки-гусыни передается по старшинству, от старших к младшим. И что, так будет длиться вечно? А что, если родители вдруг возьмут и умрут? Сколько им, кстати, вообще осталось? Из детей в семье Меджнун разродиться потомством еще никто не успел. Переживают ли насчет этого родители? Мама, возможно, да. А папе — всеми обожаемому директору школы в калифорнийской Тарзане — пожалуй, и дела особо нет: потребность во внуках ему замещает работа, вероятно.

Лейла решила, что ждет еще минут десять, а затем отправляется на поиски кого-нибудь — может статься, того же полковника Зеи. Можно сказать, обзавестись этим деятелем ей в целом повезло. Впечатление такое, что у него в каждом ведомстве по Мандалаю сидят свои люди, и они же пресекают туда доступ посторонним.

Лейле уже в третий раз обещали выпустить ее груз — поставку, на которую у нее ушло с полгода. Но в аэропорту Лейла оказалась фактически впервые. Раньше ее не раз вызывали в наземный пункт пропуска, расположенный за шумным, вечно запруженным автовокзалом, но все это было сопряжено с дежурными попытками вымогательства — то, видите ли, оказался не уплачен тот или иной налог, то вдруг поменялось законодательство по импортным пошлинам, а потому соблаговолите погасить задолженность. Большинство контор эти требования со скрипом выполняли. Однако «Рука помощи» на это не шла. Нью-Йорк гордо заявил, что пойти в этом вопросе на поводу — значит «подкармливать местную коррупцию» (или же это была аргументация босса №1, копающего под босса №2), и поначалу

в выдаче фондов, которые позволили бы выцепить груз, Лейле было отказано. Лишь капая расплавленным свинцом на мозги боссу №3, ей удалось наконец убедить штаб-квартиру, что дополнительные деньги в данном случае — это в чистом виде накладные расходы.

И все-таки, и все-таки. До этого осуществлять аналогичные поставки Лейле доводилось сотни раз. В данном же случае речь шла о контейнере с медицинским оборудованием в паллетах (четырнадцать худосочных тонн), который ей удалось благополучно протащить из Майами в Доху, далее в Янгон и наконец в Нейпидо — причудливую новую столицу, неожиданно воздвигнутую военными властями по середине страны. Но затем поставка застопорилась, и за нее ничтоже сумняшеся затребовали выкуп мьянманские таможенники, к которым можно было пробиться единственно по телефону, и то лишь с телефонов их младших коллег. Вычислив, в каком из ведомственных зданий сидят те таинственные супостаты, Лейла со своим шофером Аунг-Хла отправилась напрямик туда. Поездка в Нейпидо с последующей попыткой лобовой атаки заняла полдня и увенчалась тем, что застигнутые врасплох должностные лица в нелепых фуражечках, несмотря на шок от того, что их разыскали, попросили всего-навсего приехать снова, снабдив на дорожку какими-то абстрактными бланками с указанными реквизитами для доплаты.

Беспокоило то, что содержимое контейнера, чего доброго, могли прошерстить и потихоньку распродать из-под полы. Вопрос тонкий, можно сказать, филигранный. Стоит пустить дело на самотек, и по милости придурков из штаб-квартиры груз могут проштамповать как просроченный и утилизировать (якобы), а потом где искать эти паллеты и кому предъявлять претензии — колониализму, что ли? Эта тревога не давала спать по ночам. Да и не только она. Тропическая жара, тараканы размером с мышей, невеселые мысли о Риче (вопрос: как отчаянно нужно сожалеть о разрыве, если ты его инициатор?). А еще одиночество. Иногда (прямо скажем: нередко) весь день у Лейлы состоял из компьютерного экрана, телефона, пары коммивоя-

жеров да трех приемов пищи наедине с собой. Что приедается до невыносимости: хоть волком вой.

К ней приближался кто-то из службистов — один из подчиненных Зеи, но не тот, что упек ее в эту inferнальную парилку. Этот помнился Лейле по одному из прежних бесплодных выжиданий: поднес ей однажды тепловатой колы. Лейла не встала; наоборот, напустила с его приближением на лицо маску невозмутимости.

— Прощу за мной, — блеклым голосом сказал он.

Снаружи было на пяток градусов прохладней; блаженство скользнуло под воротник и расплылось во влажном подрубашечном микроклимате. От нетерпения Лейлу буквально распирало. Еще бы: к концу дня можно уже выгрузить паллеты, составить опись и засклалировать груз в помещении под офисом, которое она предусмотрительно арендовала. То есть и дело сделано, и ты хоть чего-то добился. Банзай!

Свое волнение Лейла попыталась унять. *Сначала все увидеть своими глазами. Пощупать своими руками. Не раньше.* Между тем было что-то настораживающее в том, как вышагивал впереди этот холуй — не идет, а прямо-таки плетется по ходам этого ведомственного муравейника. И чего это у него плечи такие поникшие? Бл-лин. Он *не хочет* вести ее туда, к месту назначения. И специально медлит, еле идет.

Постепенно беспокойство Лейлы отвердело в уверенность. До нее исподволь дошло: этот ее «банзай» преждевременен. *Разумеется*, полковник опять ее наколол; *разумеется*, поставка не прибыла или же груз не выпустили. Двухчасовое томление в парилке было не более чем издевательством, а она просто лохушка, что все это время парилась и терпела. Какого, спрашивается, хера? Она пытается этой пропастине Мьянме чем-то помочь, но для помощи этой приходится еще и попотеть.

Они вошли в какое-то помещение и миновали компанию офицеров, чаевничающих за пластмассовым столиком. Спинай, бедрами и ногами Лейла чувствовала на себе их глаза. У каждой двери дежурило по пареньку с винтовкой, под касками у них навряд ли было мокро от пота. Всюду здесь витал дух скрытой

угрозы — ступаешь все равно что сквозь строй с палками: палочники молчат, а у самих палки занесены над головами.

Подошли к столу чиновника. Он указал на стул: дескать, присаживайтесь. Лейла осталась стоять.

— Мои коробки здесь, не так ли? — спросила она чинушу (как на бирманском «поставка», она не знала).

У службиста нервно заходил кадык. Скосив под пристальным взглядом Лейлы глаза, он на местный манер покачал головой.

— Вы подписать это, — сказал он на английском, придвигая по столешнице стопку бланков. Лейле эта процедура была знакома: чего она здесь только не подписывала.

Она изучающе оглядела бумаги. Бл-лин. Если они не выпустят груз и на этот раз, надо будет затеять бучу.

Она грозно придвинулась. Чтобы нависать над чем-либо, ей не хватало роста, но хотя бы податься над столом она могла. На английском, голосом звонким, как бронзовая пластинка, она гордо изрекла:

— Я сотрудник организации, признанной ООН! — (Фраза абсолютно бессмысленная, но зато как звучит: «сотрудник», «организация», да еще и «ООН»). — Вы не можете воспрепятствовать мне взять под опеку мой груз!

И даже пристукнула каблучком. Чаепитие на той стороне комнаты чутко замерло.

Тихо и уже на бирманском Лейла добавила:

— Я знаю, это не ваша вина. Вас я не трону. Но скажите мне, где сейчас Зея. Мне с ним надо поговорить. Сейчас, с ним. Не с вами.

Действовать Лейле приходилось в одиночку: сразу и за доброго копа, и за злого. Чинуша непроницаемо сощурился. Ох, как часто на нее щурились, когда она переходила на бирманский: произношения, видимо, никакого. Но глаза службиста как будто помягчели (черт его знает, а вдруг все возьмет и срастется?). Быстро и невнятно, мешая языки, чиновник пробормотал:

— Сейчас день три. В день три он с птицами.

Свои дни недели бирманцы, как известно, нумеруют. Но «птицы» — это еще что за хрень?

— Когда я получать мои коробки? — напрягая свой бирманский, пыталась дознаться Лейла. — Почему Зeya мне делает все так сложно?

Напустив на себя виноватый вид, чинуша напряг свой английский:

— Леди, вас здесь не хотят видеть. Может, если вы заплатите пошлины и не будете очень давить, получите ваши коробки. Но я думаю, вас здесь никак не хотят видеть. Совсем.

* * *

Возвращаться в город с министерским шофером, доставившим ее в аэропорт, Лейла отказалась: если добраться до пассажирского терминала, то там, вероятно, удастся найти такси. Терминал находился примерно в километре (примерное расстояние она засекала на въезде). Решительно выйдя из ангара, Лейла двинулась обратно тем же путем, которым приехала: пешком так пешком. Дорога была, пожалуй, не для пешеходов: эдакая пыльная насыпь с канавами по бокам, где мутнели сточные воды вперемешку с мусором. Туфли для такой ходьбы явно не годились: ноги от них вязли, а ступни покалывали набившиеся под подошву песок и камешки. При этом был один неоспоримый плюс: свобода от тех клоунадных аппаратчиков.

Свобода, впрочем, условная, поскольку сзади в полусотне шагов брел один из тех подросткового вида солдат в мешковатых штанах и с винтовкой «М-1». Но смотрелся он скорее приставучим младшим братом, чем вооруженным громилой.

Бумажный доспех рубашки шаг за шагом становился все более несносным; мелькнула даже мысль ее расстегнуть, но Лейла вовремя одумалась. Она одна, не считая мальчика-солдата за спиной. Пока ее здесь еще ни разу не насиловали — рутинная данность, разнообразить которую как-то не тянуло.

Оглянувшись посмотреть, как там солдатик, Лейла неожиданно заметила у него за спиной нечто — а именно посадку небольшого, изящного на вид белого самолета. Заметьте: не бирманский военный самолет, и не туповатый турбовинтовик «Эйр Мандалай» французского производства, а именно бизнес-само-

лет вальяжно коснулся бетона взлетной полосы, прямо посерединке. Как в кино. От ангара, в котором два часа проморилась впустую Лейла, ко взлетке уже неслись три крупных внедорожника. К самолету они подкатили гладко и лихо, ровненькой колонной, как тараканы по кухонному полу. Из каждой машины вылезли по двое в камуфляже и приняли на руки по объемистому ящику, выгруженному лебедкой из задней двери. Ящики оказались переправлены в чрева внедорожников. Спереди из самолета выпросталась лестница, с которой проворно сошли трое (Лейла успела лишь разобрать, что мужчины) и забрались на заднее сиденье передней тачки. Затем машины на скорости устремились прочь; не успели они скрыться за углом какого-то отдаленного строения, как самолет, приподняв нос, белым лебедем пошел на взлет. Вся процедура заняла не дольше трех минут — самый быстрый и эффективный маневр, виденный когда-либо Лейлой в этой стране. Ящики, похоже, доверху набиты «Джони Уокером» и порнухой на видеокассетах, и все это в особняк какому-нибудь генеральскому чину с медалями. В то время как медтехника Лейлы гниет взаперти. Гнев и растерянность такая, что впору лишь горько плюнуть и махнуть рукой: пропади оно все пропадом! «Дерь-мо!» — выругалась Лейла вполголоса.

У пассажирского терминала Лейла направилась напрямиком к очереди такси, но, зайдя не с той стороны, опрометчиво наткнулась на стайку таксистов, небрежно развалившихся в тени высоких, похожих на мимозы деревьев. Этим она пробудила в таксистах настороженность. Как они, интересно, умудряются держать свои рубашки в такой чистоте? Белые как снег. Помимо рубашек, на таксистах были длинные линиялые саронги¹ — *лунги*, как они именовались в Бирме, — с большими узлами спереди, напоминающими гульфики. Мелькнула надежда, что где-нибудь возле аэропорта дежурит и Аунг-Хла, но его среди этих незнакомых людей, увы, не оказалось.

Аунг-Хла она в свое время заприметила в такой же вот сидящей в тени ватаге — несколько месяцев назад, когда начала

¹ Традиционная юбка для женщин и мужчин.